

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА СОЗНАНИЯ^а

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © А. В. ЛАВРОВА)

1

В «Дневнике» Льва Толстого¹ встречаются нас истины мудрости; многое из того, что им сказано вовсе не личностью: над-индивидуальным сознанием, называемым в терминах философии Индии Манас,² который — духовное «Я», или дух «Я»; но «Я» — дух.

Появление в истории «Я» проблемы рисуется в великолепнейшем образе Кришны ученику пути йоги: Арджуне.³ Арджуна среди поля брани горюет; и Кришну его вопрошает: «Как я направлю стрелы... на тех, которые достойны глубокого почитания...? ... Лучше питаться подаянием, ... чем убивать этих великих... И не ведаем, что лучше для нас: быть побежденным, или победить».⁶ Боль Арджуны огромна; он поднял десницу на ближних, достойных. И Кришну ему отвечает: «Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых... Никто не может привести к уничтожению; человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается и не умирает. Взирай лишь на дело, а не на плоды его... Отдайся йоге; йога есть искусство в действиях».⁵ Путь этих действий ведет к отрешенью от действий бесцельных; йога — учение о внедействии в действии, о покое в борьбе.⁶

«Кто иогою отрешился от действий... того не могут связать действия».⁷

На вопросы Арджуны, *как выйти ему из войны, указывается Кришну наука: то — йога*. Не внешний отказ рекомендует она, а особые действия пресуществленья борьбы; очищение действием *в действии* освобождает от действий вражды; без очищения этого всё есть война.

Мы — *«не ведаем, что лучше для нас: быть побежденными, или победить»*.⁸

«Пусть иог... упражняется в йоге... его не потрясет даже самое тяжелое горе».⁹

В чем йога?

В умении подчинять себя высшему «Я».

Всё — война; люди, брошенные в брани мира, не люди — икра, пропадающая совершенно бесцельно; в случайных икринках слагается рыба, или — личность; все прочие, говоря себе «Я», не имеют его: не становятся вовсе людьми, погибая личинками. Кришну все это вскрывает Арджуне.

Кто — Кришну?

Он «Я», разорвавшее личность Арджуны, личинку, вошедшее в эту личинку развить ее в рыбу; он есть «Я» Арджуны; мы, личности, члены едино-

^а Первоначальные варианты заглавия: а Лев Толстой и культура
б Лев Толстой и йога

Далее зачеркнуто: (Лекция, читанная в Вольно-Философской Ассоциации).

^б «Бхагават-Гита». Русский перевод.⁴

^в Idem: 2-ая беседа.⁵

^г Idem: Беседа четвертая.⁷

^д Idem: 2-ая беседа.⁸

^е Idem: 6-ая беседа.⁹

го организма, имеющего своим символом определенное место свое; это место — Чело; я, как личность, есмь палец, другой — только ухо; сознать свое «Я», значит 1) вынести это «Я» из личины, иль личности (пальца, ушей), перенеся его вне себя в место чела. 2) Осознать то особое отношение, которое существует между челом и меж пальцем с одной стороны, меж челом и ушами — с другой, осознать свою связь с организмом в умении различать члены тела. Все то происходит с Арджуной, когда он себя сознает пальцем некоего организма, которого центр есть Чело. Йога это вскрывает: «*Я есть источник возникновения вселенной и во мне исчезает она*». * Кришну — космическое сознание Арджуны; она есть срыванье перчатки с войны пальца с пальцем. Как сбросить ее? «Замкнув все врата,³ разом заключив в сердце, сосредоточив жизненное дыхание в голове, ... кто покидает свое тело, повторяя... Аум,⁴ думая обо Мне, тот достигает» (Беседа восьмая).¹²

В йоге — две стороны: погружение в сердце ума, оживление сознания; путь погруженья ума есть путь мистиков; путь оживленья сознания — гнозис; два делания сочетаются йогою: делание головное (иль умственность) с деланием сердечным.

История самосознания человечества есть рассказ о путях: о мистическом и о гностическом странствии человека в эпохах; но оба пути суть перчатки, которые надо нам сдернуть; лишь в йоге становимся мы перед «Я», отрешенным от коростов чувственных, и не ставшим — рассудочным «Я», иль «*субъектом*»; но в нас явление этого «Я» есть явление какого-то «Он», упраздняющего в нас «*субъекта*» и чувственное восприятие, среди которых расколото самосознание наше; и этому «Я» говорим: «Отче наш». Этот «Отче» дал некогда заповедь Моисею: «*Аз есмь Господь Бог*». А все прочие боги — кумиры: слова, Моисеем нам данные, надо читать: «*Бог есмь „Я“!*»

«Я» — название Бога Живого: то *ICh*, или «IX» или *I.X.*, или «Ж» (начертание буквы славянской, которая называется «*Жизнью*»).¹³ Пересечение монограммы Господнего Имени с «*Жизнью*» и с «Я» предстает перед нами сперва, как «*Оно*», или «*Он*»; этот «Он» в нас вскрывается; и о том гласит Кришну: «*Чувства велики; выше чувств — ум; выше ума — чистый Разум; выше чистого Разума — Он*» (Беседа третья).¹⁴

Мистика разоблачилась в истории действием познания: йогой ума; эта йога ума — гносеология: Кант, Декарт, Коген¹⁵ стоят у преддверия йоги; и даже они в самой йоге; и Гегель, и Фихте отчетливо ведают это; вот как гласит Гегель: «*Какой вздор — говорят нам — все эти абстракции, ... какие это всё пустые абстракции. — Нет! Нет! Это деяния мирового Духа, а значит и судьбы... Философы, это — мисты, присутствующие... при... пробуждении мирового Духа*»;¹⁶ себя сознающая мысль — не рассудочна; в сфере сознания, разума, крылья ее, с чем согласен и Кришну: «Я — Манас». И — «Я — сознание» (Беседа десятая).¹⁷

Гносеологи выявляют сверхличное «Я»; но оно есть «*понятие*»; гносеологов разоблачили новейшие феноменологи: «Я» есть конкретность, есть «Имрек»; но «Имрек» — не личность. Всё то — черты *Манаса*; *Манас* — сознание, развернувшее вширь свои крылья под действием йоги: в любом сознающем дрожат крылья *Манаса*; *Манас* снисходит на нас; им окрашена будет эпоха, в которую мы еще робко вступаем теперь; *Манас* вскрыется

* *Idem*.¹⁰

³ Органы чувств.

⁴ Священный звук: «А» — Брама, «У» — Вишну, «М» — Шива.¹¹

¹⁶ «Чтения по истории философии»,¹⁶

так: будто в мире сознания нашего мудрый вещающий Голос откроется, нас научая — из нас же.

— «Я — с вами».

Ходил Моисей занавешенный: тайну до времени он закрывал; эта тайна была лицемерием Бога; он знал имя Бога; и имя то — «Я»:

«Господь Бог твой есмь Аз!»

Поснимались завеси с Моисеевой тайны — Христом: «Он — во Мне. И Я — в Нем». Пути йоги готовят раскрытие тайны слияния с «Он», или с Манасом, нашего «Я»; имена мудрецов нарицательны; все они суть Разумники: Мозесы, Мани, Менэсы иль Ману; все — Манасы;¹⁸ все дают умные действия: мантры¹ и «мантрами» очищаем сознание мы; философия Гегеля — мантра среди мантр; и «Круг Чтения» Льва Толстого¹⁹ — такая же мантра; во всех языках «tip-ten-tan» — корни памяти, или ума. Собственные имена (Менес, Мани, иль Ману, иль Mann, или Mensch²⁰) — нарицательны; пресуществление нарицательного их смысла в смысл собственный — пресуществление «Я» и «Он» — в «Он во мне».

Гласит Кришну, что «чувства велики; выше чувств — ум, выше ума — чистый Разум; выше чистого разума — Он». И тотчас прибавляет: «Ограничив свое „Я“ единым „Я“, убей, о могучий, врага в образе» (Беседа третья). И далее: «Мир был бы разрушен, если бы Я не совершал действий» (Беседа третья).²¹

Наше «Я» нам загадано: наше «Я» обретается в действии. Истина — путь обретения «Я»; действительность — действие обретения; то, что нам древняя мудрость открыла, как Манас, есть действие появления «Он» перед «Я», истомленным войною; и «Он» есть Мудрец (Ману, Мани, Толстой), приходящий с учением; это учение кажется догматом, данным незыблемо; и открывается после, что догмата — нет; есть ученье о действиях йоги в себе, над собой: самопознанию, как искусству, нас учит Учитель; так — Кришну гласит: «Я — есмь Сознание...» (Беседа десятая).²² «Все существа имеют корень во Мне, но Я не имею корня в них» (Беседа девятая).²³

Вообразите себе потрясенье Арджуны, осознающего среди брани свой собственный корень в «Я» Кришну; представьте себе, что диалог меж Кришну и им происходит в окопах; Арджуна есть пулеметчик, а Кришну — военный руководитель его; тогда лишь оцените вы подход к йоге, какой нас встречает в картинах «Бхагават Гиты»; не в отрешенье от мира рождается йога: в Мальстрёме²⁴ войны.

Приступая к божественной йоге среди браней великой войны, развивает Арджуна свой Манас: становится Манасом; Кришну ему открывается в собственном виде тогда, а не в догматах веры, не в догматах отвлеченного знания: тысячеруким, тысяченогим становится Кришну: —

— «Я — приношение,

Я — жертва. Я — мантра... Отец — Я: Опора, Мать, Предок... Я — Путь, Супруг, Господин, ... Возлюбивший, Начало... Я — бытие и небытие...» (Беседа девятая).²⁵ «Я — песнопение... Я — Манас... Я — сознание... Я — „древо познания“... Я есмь буква „А“... Я — многоликий» (Беседа десятая)...²⁶ «Созерцай... Мою форму, столикую, тысячевидную...»²⁷ —

— Арджуна сказал —

— «Внутри

Твоей формы, о Бог, я вижу богов, все виды существ и каждый с обличьем своим... с руками, грудями, устами, очами без счету, всюду я вижу Тебя... Без конца, середины, начала... Твои руки без счета... В Тебя вступают сонмы

¹ Заклинание, молитва, молитвенное упражнение.

светозарных... и тьмы низших духов... Как радуга, переливаясь яркими цветами касаешься Ты сводчатых небес. Твою суть мне открой! Твой вид так... страшит!.. Твоя внешняя жизнь ужасает меня» (Беседа одиннадцатая).²⁸

Так Арджуна вращается в тысячеглазом чудовище; но этот образ — расширенное сознание Арджуны, проникшее в Кришну; и, наконец, это — Кришну: «Я» в «я»: «Я» (большое в «я» малом); то «Я» отвечает «я» малому, или единству самосознания (в Кантовом смысле): —

— «Форму мою, на которую ты взирал, очень трудно перенести... Одной лишь любви доступно такое созерцание, Арджуна; лишь любви дано созерцать Меня в моей... сути и слиться со Мною» (Беседа 12-ая).²⁹ —

— Любовь — тайна Мудрости, Манаса; Манас действительно претворяется в Будхи,³⁰ в Любовь; так Разумник (Манес, Ману, Манас) становится чрез укрепление иогою «манасических» действий преображенного Разума — подлинно любящим: Буддою; очищение мыслей приводит идущего иогою к преображению чувств; преображение Будды — вершина всей жизни его; преображение разрешается смертью; снимаются цепи земных повторений для Манаса, ставшего Будхи; но если бы дальше пойти и остаться с открытой Любовью в земных превращениях жизни, то эта Любовь углубляется в расширении до мирового всего, в оправдании мирового всего, во спасении мирового всего путем Жертвы, Распятия; это Распятие — взятие на себя мирового креста; вместе — снятие со креста пригвожденного мира; а крест в своем внешнем обличии — смерть; углубление Будхи ведет к воскресенью умерших форм мира в вознесениях плоти; вскрывается материальная жизнь в своем подлинном Духе; и самая материальная жизнь, или Майя,³¹ есть Дух, насквозь Дух; и Материя — не Материя нам, а воистину наша Праматерь; материя — Матерь; не море иллюзий, не Майя, не *tare*³² она, а Мария, которую издали узнавали старинные гностики в имени падшей Софии;³³ упавшая в нас и до нас есть 2-ая София; и Магдалина, материя, паге и Майя она, иль — вторая Мария, которую узнаем у Креста вместе с Божией Матерью, как Марию Клеопову.³⁴ Умирающий и Воскресающий в третий день — это Тот, кто узнал третий день жизни Духа; день первый есть Мудрость, иль Манас; и знающий Манас — законодатель, мудрец, Ману, Мани, Менес; день второй — углубленная мудрость, преображение мудростью чувств, откровенье любви, или — Будхи: в тот день превращается Ману в «любовника», в Будду; день третий — восстание смертных покровов иллюзии — в Новую жизнь чрез раскрытие тайн, заключенных пока в нашей воле; день третий — день Духа, приемлющего в свою жизнь косность плоти; и дух этот — Атма;³⁵ вскрывается тайная сила, создавшая мир, или Солнце планет (наших тел) открывается в нас; это — золото мира *chrisos*,³⁶ это — Крест, распростертый лучами по миру — Христос: так три дня — день Ума, день Любви (или чувства), день воли — три духовая дня углубляемой иогою мудрости возникают как Истина, Жизнь и как Путь, возникают как Мудрость, Любовь и как Жертва Спасения, возникают как Манас, как Будхи, как Атма; и возникают периоды исторической жизни, во время которых впервые рождается в человеческом сознаванье возможность поднятья к узнаниям углубляемой иогою Мудрости: мудрости очищенья ума, очищения Истины; преображения чувств, или Жизни, Любви; воскресения воли Пути; это стадии: Манаса, Будхи и Атмы. И первый, поднявшийся к Манасу, — Ману (мудрец древней Индии); первый, поднявшийся к Будхи, есть Будда; и первый, открывший мир Атмы, — Христос.

В третьем дне, в воскресении, постигается связь трех духовных этапов, трех ритмов, трех дней, трех путей, трех способностей; *триединство* рас-

крыто тому, кто стоит перед Атмою; тот — воплощение Духа: тот — Слово, которое — Плоть, потому что *плоть мира* — не Майя, не Море, не *Mare*: Мария-София она; облеченный в нее есть Христос.

Центр, духовная цельность триндневности жизни, непререкаемо углубляемой действиями очищения, преобразования и восстанья из смерти, есть «Я», или *Дух Пути Жизни и Истины*, ставших *Одним*; и оттого-то Христос говорит: «Я есмь Истина, Жизнь и Путь»; «Жизнь, Путь, Истина — „Я“»; «Я» есть глаз в треугольнике; лишь углы его — Путь, Жизнь и Истина; но «Я» не есть «Я», наше «Я»; лишь вторично рожденный способен идти по ступеням трех Дней Жизни Духа. И оттого-то не понять, что сказал Иисус, ставший ныне «Христом», или солнечным оком трехзначной духовной вселенной; кто ныне постигнет Христа, тот постигнет дыхание третьей, грядущей эпохи, духовной эпохи («Утешителя», которого посылает Христос); вместе с тем постигая Христа, постигает он тайну грядущего «Я» в своем «Я», ибо это грядущее в нас не раскрыло свои еще сном заключенные очи; духовный младенец, в нас спящий, *нам данный наукой Христа*, развивается в нас; эта иога развития — углубление «Я», жизни «Я», передающая нам сперва дар мудрых знаний Манеса, Менеса и Ману (или Манаса), передающая после дар Будды (Любовь), передающая Жертву Христа, иль Голгофу; и там за Голгофою — воскресение в *Духе* (Пути, Жизни, Истине); «Я», наше «Я» в окончании исторических странствий — восхищено и уподоблено Атме, как сказано: «Царство Небесное восхищается силою». ³⁷ Сказано: «Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть». ³⁸ Еще сказано: «Радости вашей никто не отнимет от вас»... «Вы не спросите меня ни о чем», ³⁹ — потому что все то, о чем можно спросить, в нас откроется, в «Я» оживет, словно Он, раз воскресший воистину; взявших *Крест жертвы* сквозь крест воскрешает.

Ту тайну духовности выразил Павел, узревший ее издалека — в видении; тайну свою рассказал он: «*Не „Я“, а — Христос во мне „Я“*». ⁴⁰

Но она непрочитанно исполняется в историческом действии жизни, в культуре, которая в нас не есть «Я», а еще только Майя, Материя, пресуществляемая незаметно в Святейшую Матерь, в Марию; Материя в нас, или Майя, — теперешние представленья о теле; Мария — душа в нас, которой удел в историческом странствии от Магдалины дойти до Марии, до Матери Духа, иль «Я»; и наш дух, еще ныне младенец — Христос.

Тайна эта свершалась, свершается, продолжает свершаться, свершится: —

— «Не Я, а Христос!»

Наша тайна в том именно, что не «Я», не субъект есть «Я» подлинно, а один из Коллегии, не осознавший себя, или Манас; другой, спящий в нас, — член Коллегии: Будхи; и третий есть Атма: гиерофанты Коллегии в нас, в нашем «Я», не проснулись, а то наше «я», или самость, узнала бы, что ее корни — в «мы», в «коллективе», в духовной «Коммуне», которой единство — Христос, или «Я» собственно; прежде чем «Я» не почувствует своей связи с «мы», с многими, «Я» не есть «Я»: «Я» — безусловно в нас, в нас беспутно, безжизненно: Жизнь, Путь и Истина еще не «Я», а Коллегия: «Мы»; в этих «Мы», в коллектив, распадается ветхое «я», чтоб восстать в своем будущем облике Импульса Жизни:

— «Я собственно» и есть Импульс;

но тело Его не есть ветхая плоть: нет, она — организм человечества; плотной человек должен стать только органом Духа. И иога вела к узнаваниям этим своими путями; своими путями пошел Лев Толстой, перекликнувшись с иогою.

2

Личное «Я» нам открыто сравнительно в новую эру; оно, это личное «Я» — только пункт пересечения конусов; над ним ширится «Я» уж сверхличное; и под ним — расширение *самости*, эгоизма; так личное «Я» есть конец нашей самости, верх горы мира; и — завершение эгоистических устремлений того, что не «Я», что — под «Я», но что мы неизменно связуем с «Я» личным; и личное «Я» есть нижайшая точка «Я» собственно; лишь начало «Я» собственно; переживание «Я» — переживание двух конусов, пересеченных в единственном пункте; что выше «Я» личного — кажется нам отвлеченным от «Я»; это только идея о «Я»; это даже понятие о сверхличном единстве, как Духе; что кажется ниже лежащим, есть снова не «Я», а иллюзия «Я»; это — чувственность, самость; «Я» личное, переживаемое вне «Я» высшего, кажется цельностью — заострением нижнего конуса; но заострение — точка, а точка — абстракция; математической точки реально нет в мире, доступном для нас: есть субстанция конуса, есть сужение самоотно переживаемых сознаваний; оно нам конкретно дано, но оно осязаемо — чувственно, т. е. до-лично, вне-лично; так личное «Я» есть предел; так и личность — предел; но предел дан сознанию только в понятии; никакого предела ушами, глазами, руками реально схватить мы не можем; мы можем абстрактно помыслить его; но то будет уже не предел, а *понятие о пределе*; «Я» личности, если оно не начало какого-то расширения вверх, — превращается в отвлеченную мысль о «*субъекте*»; но личность есть то, что имеет свой *Лик*; Лик не может быть пунктом, пределом, абстракцией; Лик — это образ; индивидуальная психология есть по Липпсу наука естественная;⁴¹ образ «Я» в ней слагается из того, что есть в нас ощущение «*самости*»; «*самость*» же изучаема, осязаема в психо-физических связях.

Так личное «Я» превращается снова в «*Не-Я*», иль «*до-Я*»; то — животное «Я»; и его называем мы «*его*»; то «его» есть «я» эгоиста; не *имянуемо* «я»; *имянительным* падежом мы назвать это «его» не можем; родительным — да, потому что оно порождение самоотно-чувственной нашей природы; не есть «Я», а — «*само*», иль «*оно*», или даже оно — не «*оно*», а какая-то принадлежность «*оно*», иль — «его»; лишь родительным падежом расширяема книзу эго-истичная личность. Так наши обычные представления о личности, или «*égo*» — эго-истичны, до-личны; и «*égo*» — «*егó*» (чье?); родительным падежом от чужого «*оно*» нам является личное «Я», когда «Я» помышляем мы *образным ликом*; и образный лик предстает перед нами, как чувственный, осязаемый, предстоящий предмет: совокупность из чувственно-осязаемых рук, ног, ушей, глаз, лба, носа; и — прочего, прочего; психология личная есть естественно-научная дисциплина по Липпсу; в ней нет еще знания о «Я».

Коли «Я» есть предел этой чувственно-обезличенной Личности (или — «*безличности*»), то «Я» личное осуществимо в понятии, обрамляющем чувственность; но понятие снова — не образ, не Лик и не Личность (произведение Лица); для «*égo*» (*его*) его *он* (иль *оно*) есть природный, пред ним вырастающий мир; но «Я» не есть «*мир*»; значит, «Я» есть «*субъект*» познания; так отвечала недавно маститая линия логиков, гносеологов, метафизиков; если же «Я» есть субъект познания, то «Я» есть сверхличное «Я»; теоретическая психология по учению Липпса и есть психология «Я»; но в ней «Я» есть духовное «Я», сверхприродное «Я»: «Я» — для всех, «Я» — во всех; сфера этого «Я» — сфера чистой теории, или «Я» снова — *Лик*, снова — *Образ*: конкретный, но *вовсе не чувственный* (уни-

версальный и личный — имеющий собственный Лик); это — Символ, где «Я» есть слиянье начал: универсального и имянного; то «Я» есть для мира — неповторяемый образ не только Ивана, Петра или Василья, не только Ивана Семеновича, но Ивана Семеновича Сапожкова, учителя математики вологодской гимназии; это же «Я» для «Ивана Петровича» вовсе не есть «Сапожков», а начало, живущее в «Сапожкове», диктующее «Сапожкову» свои роковые веления: «Должен ты сделать вот это-то, то-то!» И долг есть долг Совести, действующей в «Сапожкове», как будто бы он, «Сапожков» не есть «Я», но в нем — «Я», не вмещающееся объемом в сознании самости «Сапожкова»; то «Я» внутри нас оживает, как Разум, как Демон, как «Он»; повседневное «Я» для «Я-собственно» не есть «я», а есть «Он»; если ж «я» повседневное — «Я», то живущее в «Я» не есть «Я».

Так опять-таки предлагает нам Липпс ощутить в себе Царство Разумного Смысла; в одной из своих популярно написанных книг он кончает отчетливо лозунгом: «Человек да познает себя». ⁴² Самопознанием заостряется психология-собственно в лучшем психологе, в Липпсе; самопознанием открываются лозунги исторической мистики: в Греции, Средневековье и в Ренессансе.

Иль «Я» — есть «субъект», или «Я» — образ, символ, слияние личного (имянного) с сверхличным и сверхприродно рождающим. И оттого-то славянское именование «Аз» — образ «Азии», или страны восходящего Солнца; так «Я», или «Аз», есть страна, где восходит духовное Солнце; и стало быть: «Аз» не есть «Я», а огромное Солнце во мне; это «Я» по-французски есть «Je» (или «Же»); «же» есть «зэ»; «зэ» по-гречески — *жизнь*; но какая? Сверхчувственная. Именование Зевса есть «Зес» (между прочим); и стало быть: «Я» — жизнь божественная во мне; начертанье славянского Знака для «же» («Ж») — монограмма: именование знака «Ж» — жизнь, как сложение «I» и «X» в — *I.X.*: «I» — Иисус (имя, личное «Я»); «X» — Христос или — Логос, сверхличное «Я»; наше Я есть, конечно же, «Ja»: сокращение имени Jáo; и имя то — Божие; в нас — имя Бога.

Особенно ясно, что «Я» — монограмма и символ, в немецком сложении знака, иль в «*Ich*»; «*Ich*» же есть монограмма; то есть *I. Ch.*: *Jesus Christus*; древнейшее, готское «Я» не есть «*Ich*»; «*Ich*» является после в истории: в христианском периоде; явственно, что Кирилл и Мефодий назвали *Иисусом Христом* нашу новую *Жизнь*, сложив знаки *I, X* в один знак, в «Ж» (в славянскую «жизнь»); ⁴³ то же явственно: немцы называли то «Я», что во мне обитает невидимо, «*Ich*»'ом, иль *I. Ch.*: *Jesus Christus*, где *Jesus* есть личное имя, соединенное с *Christus*: с внелично рождаемым в личности Духом Жизни, *Христом*. Тайна имени Мудрости пробегает в истории: Павел впервые своим дерзновенным учением провозгласил тайну имени «Я», изрекая: «*Не Я, а — Христос*»; что же есть символически Логос, Христос? Он есть «*Агнец, закланный до начала творения мира*»; о том повествует Иоанн. ⁴⁴

Закланье — крест: пересечение двух конусов образует отчетливо — «X», букву «ха»; «ха» есть крест, распростертый, знак Жертвы, знак Атмы; сошествие «X», иль Христа, в «I» (в Иисуса) есть «Ж», или Жизнь, но — духовная жизнь; форма этой духовности — «IX», т. е. *Ich*; но «*Ich*» — «Я»; «Я» — духовно, конкретно и жизненно в «IX», или в «*Ich*»; «IX» есть знак, обозначающий по-славянски число; и число это — «9»; в «Я» — целостность девяти единств, принципов.

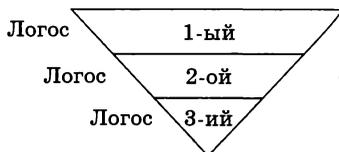
Нам индусская мудрость гласит: человек — слияние семиединства развития с триединством божественности; семиединство, переводимое в термины, — таково:⁴⁵

- 1) физический принцип
  - 2) эфирный (стихийный) принцип
  - 3) астральный (звездный) принцип
  - 4) «Я» (низшее я)
  - 5) Мудрость (Манас)
  - 6) Любовь (Будхи)
  - 7) Воплощение, Крест (или Атма)
- } «Я» высшее

Триединство есть:

- 1) Логос третий (Дух)
- 2) Логос второй (Сын)
- 3) Логос первый (Отец)

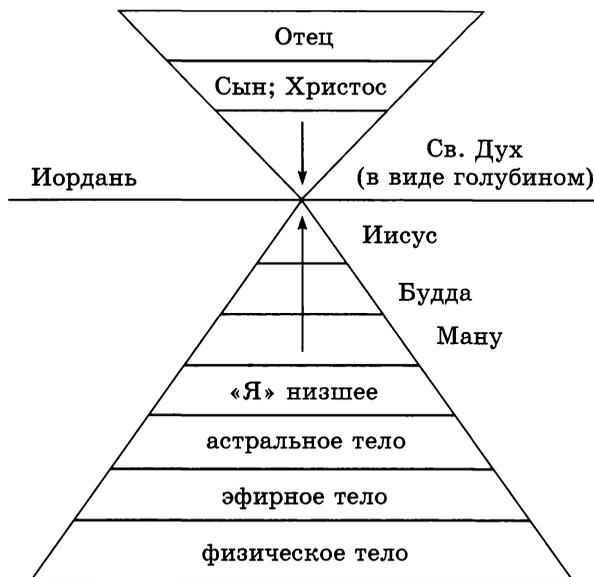
Схождение Логоса — в трех духовных эпохах:

и это — схождение Духовного Солнца — Христа в мире Духа на землю; а восхождение тварного имени, самости к Личности, к Лику дано нам в семи ступенях:

В Иисусовой точке (в «а» точке) слияние *Иисуса* с Христом, опустившимся в образе Третьего Логоса, Духа (во образе «Голубя») над Иорданскую тайною: образовалось *крещение, скрещение* Личности (Иисуса) с Христом: перекрестились две линии.

Соединение, символ, скрещение: крест «X» (буква «x») начинается для «Христа» (нисхождение, жертва); и жизнь открывается в Иисусе с Иордани; и знак Иордани, делящий «X» надвое — Ж, или «Ж»: бесконечная жизнь, воскресенье закрестное; тайна сия велика: «Ж» есть «IX»; «IX» есть «Ich»; «Жизнь» и «Я» сочетаются в «Я», как в Христе, оживающем в Имени, в Лице моем; и не «Я» во мне «Я», а Христос во мне «Я»; вместе с тем знаки «IX» — число «9».

Узнание на вершине развития, в тайне «7» (Атма — «7») есть узвание, что «7»-ми дано «9», что «Атма» (вершина Иисусовой жизни) — подножие жизни сошедшего Логоса; семичленность строения Индии заменяется девятичленным строением Человека в позднейших раскрытиях *Сефер-Иециры*⁴⁶ (3 принципа духа, иль высшего «Я»; 3 душевности низшего «Я»; и — 3 тела); так дано в «7»-ми — «9».

Семичленное строение	Девятичленное строение
1) физическое	1) физическое
2) эфирное	2) эфирное
3) астральное	3) астральное
4) Низшее «Я»	4) Душа воспринимающая
	5) Душа рассуждающая
	6) Душа самосознающая
5) Манас	7) Самодух (Мудрость)
6) Будхи	8) Дух жизни (Любовь)
7) Атма	9) Духовный Человек (Жертва Спасения)

} тело (руах)
} низшее «Я»

Так «9» есть IX (число) в цельной жизни Иисуса Христа, в *I.Ch.*; эта цельность есть «IX» или «Ich», или — «Я»; «Я» есть «9»; и «Я» не есмь «Я» (т. е. пункт, субъект, чувственное выявление личности): «Я» есть Солнце Христа в моем «Я», как поведал Апостол.

То — тайна.

3

И к ней не взойдешь неочищенным: «Я» как коллегия — 3, или — «7», или — 3 на 3 (9), или 9 + 3, то есть 12, или семью семь — 49, или $49 \times 3 \times 7 \times 9 \times 12$ и т. д. Раздробляется «Я» перед нами на множество «Ликов»; в «Я» — множество личностей; индивидуальность — одна; восклицаем при взгляде на высшее «Я», или Кришну, с Арджуною: «Твоя... жизнь ужасает меня».

Кришну так отвечает: —

— «Смушение свое и ужас погаси; не бойся, что узрел ты страшный образ Мой; забудь свой страх... воззри на облик Мой, знакомый для тебя»... «Махатма принял свой кроткий вид»... «Эту форму Мою... очень трудно перенести» (Беседа 11-ая).⁴⁷ —

— Страхи, ужасы суть преддверья мистерии осознавшего «Я»; приближаясь к Манасу, страхами заблеивает непонятый Гоголь; Толстой — сомневается, но подходит все ближе: подходит вплотную, соединяется с Манасом: — «С вами Я до скончания века». Но личное «Я» распинается высшим, сходящим в него; на кресте повисая, умрет эго-ист; распадется «Ich» (Я) на два символа: «I» и «Ch»: —

— «С вами Я до скончания века». —

— Эпоха, в которую мы вступили уже (ее зори горят 20 лет), есть эпоха сходящего Манаса; «Кришну» стоит мировую войной, революцией, междуусобными бранями; близкие избивают друг друга; и все — разрывается; Лик Человека теперь — лик чудовища; тысяченогий, нас душащий спрут — восстающий в сознании нашем, непонятый образ сходящего Манаса; только Любовь высветляет Лик Ужаса; Ужас — не ужас, а — Манас.

Сошествие новой Любви совершается ныне в огне; кто не станет огнем той любви, — опалится любовью; любви лишь доступно прочесть образ нашего времени подлинным Голосом; Голос, читающий знаки судьбы, и есть Мудрость, или Манас.

Толстой есть великий предтеча грядущей Любви; Голос, читающий знаки судьбы человека, уже раздается в нем явственно; голос тот — Манас; Он — демон Толстого, подобный Сократову демону;⁴⁸ только он — больше; он — громче; звучней, повелительней он произнес из Толстого — Толстым — свое Слово: и Им стал писатель Толстой нашим новым учителем; но не миссия Льва Толстого — разоблачить Имя Голоса; Голос, звучавший ему, называет Толстой просто: «Он!» В «Дневнике» называет Его он Хозяином, или Отцом;⁴⁹ о Христе говорит он невнятно; порою о нем говорит он не в духе Христовом, а так, как сказал бы о Нем древний индус, или даже буддист; но вне слов о Христе Лев Толстой на нас действует импульсом жизни Христовой; так именно вероятно сказал бы о Логосе до-христианский Великий Учитель (Разумник, Манес), сердцем чужа огромность Христа, а словами еще не умея сказать об единственном, неповторяемом историческом факте, свершившемся в Палестине; весь жест Льва Толстого в глубинном молчанье — атмический; жест любви выявляется в старце Толстом — даром слез, а не слов; это — слезы любви; выявляется Атма сквозь смутные проявления Будхи; то Будхи откроется в индивидуальном дрожанье любви и в сложении новых общественных отношений: в грядущих коммунах любви. У Толстого есть проблески проблесков Атмы; те проблески — в любованьях, в волненьях любовных, в слезах; даром слез Толстой сближен со старчеством;⁵⁰ в старчестве, в индивидуально рассеянных по России немногих, мо-

литвенных старцах волнуется смутно то именно, что восточная философия называет нам термином *Будхи*; но *Будхи* — вне *Манаса*, или верней: в смутных проблесках *Манаса*, точно в Чаше, в Граале,⁵¹ взволнованно плещется *Будхи*; и Чаша, Грааль, — над главой ее видящих *старцев*, которые не сумеют о ней рассказать всенародно, словами; невнятно гласят они жестами для *немногих*, невнятно внимающих им.

Манас — птица, Орел, протянувший крыло до святого Грааля; другое — до низшего «Я», передающий словами древнейший оттенок глубинного Голоса; тот, кому *Манас* открыт, — понимает отчетливо, что бессловесные речи и жесты *будхической жизни* в обычной среде — непонятные нам языки; надо дать перевод им; и тот перевод есть *учение*, одновременно гласящее и рассудку, и сердцу; гласить языками, невнятными нам, есть опасность для Павла; и Павел нас учит: невнятны *глоссы* переводить в язык внятный; начала развития *Манаса* в нас — половина Орла, иль крыло, им опущенное до Чела Человека; другое крыло поднимается к чаше Любви; лишь тогда, когда внятно раскроется Манас *рассудку*, рассудок, иль внешняя мудрость, на крыльях орла будет отдана в выси, восхищена высями; это есть путь растворенья рассудка в стихию текучего Разума; далее — преобразование Разума в море любви.

Старцы ведают в индивидуальных узаньях *Орла* (или — Манас), держащего горним крылом чашу жизни; не ведают вовсе другого крыла им присущего Манаса; именно этим последним крылом опускается горний орел в мир рассудочной ясности; Манас, Орел, есть у старцев; но он — *однокрыль*; неразвитое крыло его — мудрая философия, соединяющая отвлеченное знание с конкретною жизнью; соединение это есть первый этап, возводящий эпоху в жизнь *Манаса*; *старцы* его не имеют; поэтому ныне от жизни эпохи отделены они кельей.

Конкретная философия Владимира Соловьева — попытка расправить другое крыло у *Орла*: рассказать внятным голосом Голос, звучащий ему, или — дать философский подход к откровениям времени; но другое крыло, протянувшее Манас до Будхи, Христовой Любви, не расширено в философии Соловьева; оно есть рассудочный голос о вне-рассудочных тайнах орлиного Разума; и оттого христианский подход к тайне времени дан Соловьевым в рассудочной форме; развил он крыло, не развитое у старцев; и не развил он крыла *тайных старческих* ведений; дара любви, дара слез, не развил Соловьев; вместо этого дара развил он свой *хохот*, свой *смех*; он *со смехом* рассказывал тайну видений своих; перед тайной видения умиляется Серафим — молчаливо, безгласно.

Соединить Соловьева со старцами механически невозможно; *механика* есть насилье рассудка над Разумом.

Да, — Соловьев ведал явственно одну сторону Манаса — гласную сторону; старцы же ведают явно другую, безгласную; однокрылый орел не летает; *орел* над Россией не взвился для всех в Соловьеве и в старцах.

Он взвился в Толстом.

Этот ведает соединение Манаса с миром отчетливой мысли; его сочиненье «*О жизни*»⁵² есть верх опрозраченной ясности «*Манаса*»; ясная мысль здесь дана без рассудочной ряби на ней; в Соловьеве еще много ряби; и он непонятен народу; понятен — Толстой; и поэтому может во внятном слове свое он вложить углубляемый, тайный, доселе народу неведомый смысл; глубина опрозрачена им; его мысль уж не зеркало берегов, отраженных в него, а сама глубина с ее явленной жизнью: так мы видим сквозь толщу воды, в глубине, — обитающих рыб; эти «*рыбы*» суть новые смыслы рассудочных смыслов, сквозящие явственно в них; до величия книги Толстого «*О жиз-*

ни», до ясной конкретности, до осязания Манаса в ясных *«мужицких»* словах Соловьев не возвысился: зарябил, замутил глубину проступающей Мудрости в нем: стал *«философом»*; и порою абстрактно сказал нам о жизненных тайнах; все творчество Льва Толстого — *«Дневник»* человека, которому явлена тайна сошествия Манаса к нам; в Льве Толстом, сквозь него, для всего человечества ныне спускается мощный *орел*; Лев Толстой — *эпохальная личность*; Владимир Сергеевич Соловьев, как и старцы, быть может, святой (гений жизни), иль просто лишь гений; но *гении* в будущем — все, потому что все *«Я»* — гениальны, единственны (гениальность, единственность их лишь в зачаточном состоянии только); не *эпохальные гении* — старцы; и Соловьев не есть *гений эпохи*.

Тот гений — Толстой; и тот гений есть Штейнер (для Запада).

У Толстого есть *мысль* (у Соловьева она тоже есть, но в налете рассудка), одно крыло Манаса; есть и другое крыло, соединяющее его мысль с мудрым опытом жизни, ведущим к любви: там, где хохотом обрывал Соловьев свои образы, — *старец* Толстой просветлялся любовью до слез; оттого-то толстовский орел есть двукрылый орел; пусть одно крыло меньше крыла *«философии»* Соловьева, другое же меньше крыла *тайноведенья* старцев; но оба крыла гармонически связаны; пусть не орел, а *орленок* еще *Манас* в жизни Толстого; но этот *орленок* летает уже *всенародно* над душами нашими — Духом; большой, однокрылый Орел утаенного старца, живущего среди нагорий Кавказа (такой старец есть), не умеет спуститься к России, к народу: мы знаем, что где-то он есть, но *где именно* — точно не знаем; *что именно* он провещал бы нам всем, — неизвестно; большой однокрылый Орел философии Соловьева прирос слишком явственно перьями к жизни рассудка: не может подняться до чаши Любви; и крылом трепыхается — смехом исходит; сказавши, что Вечная Женственность, Мудрость, нисходит на нас, тут же он, не раскрыв *тайны Мудрости*, смехом кончает прозрение:

«Милые черти, — однако, поверьте».⁵³

Те *черти* суть *тени* рассудка на Манасе, Мудрости: это — *черты*, ограничивающие порогом дневного сознания Мудрость, которая *дна*, иль *черты*, не имеет: увы, — соловьевские *«черти»* — *«черта»*, отделяющая Соловьева от цельного *Манаса*; и Соловьев от народа, от мира, *очерчен* рассудочной философией отходящего времени; о нерассудочном слишком рассудочно он говорил; о нерассудочном говорил Лев Толстой словом Разума; Разумом нас научив, вместе с нами он немо лил слезы любви перед тайною Мудрости, становящейся *явною* для грядущей эпохи.

И оттого-то Толстой есть единственный, неповторяемый, *первый по времени*, подлинный гений грядущей эпохи; поэтому из далекой вершины грядущего видит назад *далее нас*: кругозор, внятный нам, нами явственно видимый, есть кругозор, проведенный отчетливо циркулями рассудочной мысли; диаметр развить ее по истории тянется от софистов, родивших во многом Сократа, верней — от Сократа до... гносеологии девятнадцатого столетия — времени, когда лев зарыкал на утонченности схоластической жизни.⁵⁴ От жизни Сократа до Августина⁵⁵ нам явственен радиус нашей окружности; эта эпоха — эпоха начала рассудочной жизни до осознания законов ее; с Августина до нашего времени явственен радиус нового времени: времени осознания *граней всей* рассудочной жизни; Сократ открывает эпоху абстрактно построенной Мудрости; а Лев Толстой — закрывает ее, указуя на выход в жизнь подлинной мысли. Начало эпохи сливается явно с концом ее; и мы выходим теперь из диаметра линии рассудочной мысли к окружности, замыкающей в Разум линию *рассуждения*. Мы огибаем окружность и видим

вперед — в жизнь грядущую: в *Манас*; и видим назад жизнь отшедшую, жизнь нашей мысли до мысли *софистов*; и тут встают правила *йоги*, иль правила *опыта* мысли, которые дал человечеству Кришну (у Соловьева нет средств их раскрыть, и у старцев нет средств).

Лев Толстой всем учением *по-новому* раскрывает — уже *всенародно* — смысл слова, которое слышал Арджуна еще: —

— «Чувства велики; выше чувств — ум; выше ума — Чистый Разум; выше Чистого Разума — Он». ⁵⁶

Лев Толстой есть один из Крестителей в тайну того, что есть «Он»: это — Дух; это — Манас; мы — в Духовом времени, где откроется в *человеке Чело* восходящего *Века*, где станет воистину человек *Челом Века* — Разумником, Манасом; Мани, Менесы иль Ману вставляли в истории уединенными кручами; скоро покроется мир очень многими кручами: сотни и тысячи Ману, Менесов, Манесов заходят среди нас; такой «Ману» — Толстой (и «Толстых» уже много рассеяно в мире); Толстой — первый Ману среди многих, идущих за ним; он не Лев — а Наум, или Ум Мировой; Ум — Орел: Он весь львиный с орлиной главою; таков он рисуется в образах древнего *мифа*, который — о будущем.

Некогда в человечестве не было *организма орла*; было «львиное сердце» орла, — безголово-бескрылое: дионисический бунт был им вскормлен; *Силен*⁵⁷ его выносил; был и терзающий *клюв*, но безглавый: то — *логика*, растерзавшая миф: бессердечная и холодная мудрость софистов терзала Титана-Силена, который растил Диониса; а в Дионисе бродила позднейшая мысль и витали безглавые крылья летающей экстанической жизни духовной над логикой; первый Сократ соединил воедино логический клюв и безглавые крылья; окрыленная мысль стала голосом, Демоном, мысли рассудочной (клюва); но «*львиное*» сердце Силена осталось вне крыльев, вне логики, вне рассудка, вне мифа; оно — билось бунтом; огонь жизни духа загло воровством среди нас; и Силен стал поздней Прометеем; орел бессердечный, хотя и крылатый, терзал его жизнь; сократический человек начинает терзать жизнь Силена; Силен превращается в Прометея, в Титана,⁵⁸ мы видим, как Логос, рассудочный, греческий Логос, в истории нашей свергает, разит непокорных титанов (эпоха схоластики); то Сократ восстает на Силена: орел восстает на рычащего льва; ум — на сердце; борьбой ума с сердцем окрашена жизнь человечества; и оно распадается на крылатое, но холодное воспаренье ума; и на жаркий, сжигающий кровью, огонь восстающего Силенова сердца.

В соединении сердца с умом — жизнь Грядущего, Манаса: и Силен, и Сократ — половинки — кого? Того именно, кто есть Ману, Учитель. Но он есть Толстой.

Лев Толстой осознал свои прошлые воплощения; это более древнее воплощение его есть Силен; это он вскормил Диониса, прошедшего бурей по Греции, телом растерзанного, но воскрешенного в динамической, экзотической, демонической мысли; второй Дионис, или Демон Сократовой мысли, к которой возносимся на эротических (дионисических) крыльях, есть нами неузнанный Манас; *Силен*, отдающий Диониса буре Менад,⁵⁹ получает обратно его, как слетающий свыше и слышимый *даймонический голос*; Сократ есть Силен, потерявший ребенка, терзавшийся мукою и титаническим бунтом, — Силен просветляется, усмиряется, преображается *демоном мысли*: Дионисом, свыше сошедшим; и это — Сократ, возникающий после; Сократ есть вторичное, так сказать, воплощение Силена; менада, терзавшая Диониса, состарилась: Дионису воскрешемому не угрожает она больше смертью: не

может она умертвить Голос Демона сократической мудрости; просто его ненавидит; мегера она; и мегера, Ксантиппа,⁶⁰ сопровождает по жизни Силена-Сократа.

Сократ не был только «сократом» рассудочной мудрости; в смерти своей он нам выявил *Манас*, живущий в нем; но «сократической», «схολастической» сущью прошелся по ряду веков вплоть до нашего времени, вытравляя следы своей прежней вакхической, пьяно-разгульной, клокочущей жизни; борьбу Силена с Сократом, борьбой двойников, преломляется жизнь Возрождения; с Возрождением закопошился старинный Титан; и в семнадцатом веке острит свой логический меч на Силена Сократ — *гносеологией* нового времени; и мы все, разделяя борьбу двойников, мы — раздвоенны: мы — Силено-Сократы: Силены, Сократы; то — то, то — другое; и никогда — оба вместе; соединить — осознать, что Силен и Сократ — это жизни единого Индивидуума, два момента одной биографии. Ту борьбу двух в одном начинает уже Августин, борясь с Фаустом, манихейским учителем; углубляет впоследствии Фауст, борясь с Августином в себе (иль Марианнусом⁶¹); и углубляют борьбу еще более: Кант — с непокорным Силеном; и Ницше — с Сократом и Кантом; лишь третье пришествие Индивидуума, бывшего прежде Силеном, и после Сократом, поможет распутать наш Гордиев узел истории: Соединить воедино Льва (сердце) с Орлом.⁶²

Но пришествие, роковое для исторической жизни Культуры, уж было: пришествие в мир *Льва Толстого*, впоследствии ставшего явно *Орлом*, иль *Наумом*:⁶³ Умом, Челом, Манасом. В нем повторился Силен в кутежах и радениях гениальной, языческой, плодородной *Силеновой жизни*; великим *художником слова* прошелся Силен в третий раз по истории; глухо «Сократ» в нем гласил; потом — громче; воистину «сократически» после себя обуздал гениальный художник *Силенова слова* в косноязычие многих, бесплодно звучащих и видимо плоских статей, поучений и писем. Восьмидесятые годы истекшего века — борьба двух Толстых: восстающий Сократ удушает Силена; Силен, непокорный Сократу, бунтует в Толстом. В девяностые, в девятьсотые годы мы видим прекрасное зрелище: растворенье Силена в Сократе, Сократа в Силене, исчезновение обоих; Силен, «*Лев Толстой*», и Сократ иль Наум Мировой, претворяются в то, что ни сердце, ни ум, ни *разгул* и ни *скопчество*, ни буддизм, и ни *догматы* исторического христианства, — во что? В что-то новое: в *Манас*, гласящий векам и народам о том, что и царство Силена в Силене прошло, что и царство Сократа в Сократе разрушено, что восстает нечто *третье, конкретное, с жизнью слиянное, мудрое* неизречаемой мудростью и гласящее неизживаемой жизнью: проходит, отходит художник в Толстом; и проходит, отходит в Толстом сухой скептик, сухой моралист, сухой книжник; художник сияет доселе не бывшими светами (в поздних рассказах и притчах); мыслитель взрезает целины доселе немислимых переживаний души.

Лев Толстой в этой стадии Мудрости восстает перед нами огромнейшим символическим *мифом* эпохи. Сократ созревает в Толстом до Манеса, до Ману, до истинно *титанических* контуров; и дорастает Силен до Титана, до Прометея, до Тантала,⁶⁴ просветленного истинно «*манасической*» мудростью; и в просиянии титанизма, в расширенном титанически свете становится собственным мифом Толстой в *день ухода*; мы все умираем животнo; мы — смертию схвачены; царственно, величаво пошел человек Лев Толстой в свою смерть. Мы не видим Толстого последних дней жизни: мы видим таинственный Свет, исходящий из *Ясной Поляны*;⁶⁵ исход *Света Жизни* — в *Свет Жизни*, в засмертное; это уже не Толстой, а сам «*Манас*»: Силен, Сократ, Лев проговорили тройко в Толстом на древнеюших языках: Телец,

Орел, Лев — провозгласили, пропели, воззвали в Толстом; и тогда *проглаголило* в нем *Чело Века* —

— Восстал «Манас» сам!

4

Лев Толстой заключает Сократа в себе; а «Сократ» в свою очередь заключает ядро свое: в чувственного Силена; в себе натывается тот, кого чтит уже мир, на другого, который *и подл, и тщеславен, и глуп*: это знание о себе выявляет в своем «Дневнике»^м: —

— «Стал думать о себе, о своих обидах и своей будущей жизни — и опомнился... И хорошо стало: *стало быть, есть тот, которому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич*».

Над Силеном встает и Сократ, покоривший отчасти Силена в себе; он участвовал в шумных попойках; и — пил; пил Толстой; и потом уже к старости перестал опьяняться; Силенова сущность живет в нем в иных, титанических формах: не в пьянстве; Сократ же остался; и лейт-мотив сократической сущности, диалектика Разума, красною нитью проходит повсюду сквозь жизнь его; в «*Детстве и отрочестве*» вспоминает, как *думал о том*, что он думает;⁶⁷ *думы о думах* всегда волновали его; и Декартово «*cogito*»,⁶⁸ и критицизм кантианства Толстому воистину близки: —

— «Записано: „Разум... орудие для познания истины, проверка, критика“... Деятельность разума несомненная... Я... решаю, что то, что неразумно, того нет для меня».^н —

— Действительность, как конструкция разума, кажется в нем «*вольфианством*» подчас;⁷⁰ рационализм его явен; и кажется догматическим; но то — иллюзия; рационализм Льва Толстого критичен; полугегелианские, полукогенианские ноты звучат: —

— «*Мы ничего не знаем так, как оно есть*»:° здесь проблема «о вещи в себе»; но ее разрешает он гносеологически правильно: —

— «Знаем нечто именно таким, какое оно есть». — «Что же?» — «То, что познает. Оно именно такое, каким мы его знаем».^п Действительность — истина мысли; онтологизм Львом Толстым отрицается; и отрицаются вместе границы познания; мощь познавания, действенность мысли, творящей в себе бытие, соединяет Толстого с новейшей гносеологической школой; первой посылкой его философии нам является *верное знание истины*, или: уверенность полагается *первым*, а разделение на веру и знание уже вторым актом разума; *долженствование* — истина истин Толстого; а бытие — результат той уверенности — есть *второе* в его философии; как у Декарта, сознание определяет свое бытие; и бытие полагается 1) ставшею *верой* и 2) ставшим, оформленным знанием; вера и знание суть зависимые переменные *независимого начала: уверенности*; бытие как природа, рассудок, как ставшие формы научного знания: соподчиненные, переменные функции долженствования; нормативизм Льва Толстого не есть только связь догматических положений учения; норма есть мироздание, миросознание; в мире

^м Том I-ый. 1895—1899. Стр. 136.⁶⁶

^н «Дневник». I, стр. (30,) 31.⁶⁹

^о Idem: 43.

^п Idem: 43.⁷¹

сознания, а не в мире обставшей природы, лежит для него вся конструкция мысли миров; мысли мира — планеты (то «ставшие» миромысли); планеты — животные, существа и духовные знаки, вводящие в правду; вот ряд выдержек, определяющих взгляд Толстого на жизнь и вместе с тем открывающих явственно Сократову сторону жизни мысли Толстого; и без нее эта мысль уж не мысль:^p —

— «Разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои рассуждения по порядку их важности: какое рассуждение должно быть 1-м, 2-м, 3-м, 10-м и т. д. Безумная же... состоит в рассуждениях без этого порядка... Цель всех рассуждений и устанавливает порядок, в котором должны располагаться отдельные рассуждения для того, чтобы быть разумными». —

— Норма познания определяет порядок понятий, суждений и заключений; целесообразность определяет причинность; здесь Толстой обоснован позицией Виндельбанда и Риккерта.⁷³ —

— «Рассуждение, не связанное с общей целью... безумно, как бы оно ни было логично»... «Исследует человек жизнь..., чтобы она была лучше... Есть рассудители, покидающие цель рассуждения и вместо нее разбирающие вопрос о том, отчего происходит жизнь... от не вещественного начала или от различных комбинаций материи...»^c —

— До сих пор безукоризненно рассуждение это; в отчетливых ясных словах поднимает Толстой кардинальный вопрос: о генетическом и конститутивно-логическом методе, разрешаемом лучшими логиками в его смысле: вопросы, подобные следующим — «почему», «как», «каким образом», «на каком основании» — не вопросы первичные; эти вопросы предопределяемы «что», «для чего»; «для чего» нужно мне поднимать мой вопрос, «что» он есть и «возможен» ли он — вот вопросы первичные; Гуссерль, Коген, Риккерт, Ласк⁷⁵ согласятся с Толстым; не согласится, быть может, ученый, безграмотный часто в установлении теоретико-познавательной линии; и уже из вопроса «возможно ли что-либо» вытекает второй ряд вопросов: «Если возможно, то как», «каким образом»; после лишь возникает вопрос «почему». Между тем в генетическом объяснении жизни возникновением ее из материи, атома, клеточек, низших животных встречает нас всюду наивнейший и логически вовсе безграмотный перепрыг к «почему»; это видим у Геккеля⁷⁶ мы; на «почему» отвечают различно науки; но их «потому что» всегда лишь условности; это — законы наук, вытекающие из вопроса «а как возможно такое-то „потому что“»; методология разъясняет, как это возможно: при таком-то подходе возможно такое-то построение закона, а при таком-то — такое-то; Кант это вскрыл в своем первом вопросе о том, как возможны а priori синтезы. Рудольф Штейнер отчетливо выяснил, что это Кантово как возможно зависит от другого вопроса: «возможно ли?» А «возможно ли» уже прямо зависит от «что»; «что» от — «для чего». Для познания вот порядок вопросов: 1) чем должно быть познание, осуществляющее свои цели; и стало быть: для чего нам познание, 2) есть ли познание, 3) что оно есть в своей данности нам, 4) как возможно нам данное познание, 5) почему, познавая, приходим к таким-то вопросам. Порядок вопросов о жизни определяется этим порядком вопросов: 1) для чего нужно нам опознавание жизни, 2) что есть целесообразное опознавание жизни, 3) как возможно нам целесообразно мыслить о

^p «О жизни». Стр. 342, 343. Сочинения. Часть XV. Издание 12-ое.⁷²

^c Idem: 343, 344.⁷⁴

жизни, 4) почему мы приходим к установлению такого-то определения жизни, а не к иному.

Вопрос о происхождении жизни не есть вопрос жизни: *что есть она*, определяется вопросом иным: чем должна она быть нам в сознании нашем; сознание определяет понятие жизни и устанавливает градацию и порядок в определении того, что есть жизнь: жизнь — 1) сознания, 2) мысли, 3) чувств, 4) восприятия, 5) ощущения, 6) раздражения; жизнь сознания определяет биологические понятия жизни. Толстой беспощадно логичен: —

— «Теперь..., говоря о жизни, говорят не о той, которую мы все знаем, — о жизни, познаваемой..., а о чем-то таком, что... возникло из игры случайности по некоторым физическим законам... *Жизнь есть... процесс разложения и соединения... Жизнь есть организм в действии... Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним...* Рассуждения о некоторых условиях жизни, как о жизни... не касаются того предмета, который они хотят обсуживать... Случилось то, что основное понятие о жизни, взятое вначале не в его центральном значении... получило... несоответствующее ему значение... основное понятие жизни и понятие... жизни, которое есть в клетке, суть два понятия..., не соединимые... Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, что мы называем *брызнь*, а говорим, что есть „жизнь”».† —

— Лев Толстой безусловно правильно заключает из рассмотрения определений жизни quasi-научными философиями: —

— «*Не то, что мы называем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой*».‡ «*И потому, для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука*».§

Этим хочет сказать Лев Толстой, что наука не в том, чтобы правильно делать разрезы в предметах науки; и — изучать те разрезы, а в том, чтобы в множестве допустимых «научных» разрезов сознательно делать отбор, вытекающий из запросов сознания; может возникнуть наука о расщеплении конского волоса на миллион волосинок — не всякого волоса; именно конского; но для чего нам *такая наука*? Наука ли эта «наука», «научность» которой могла бы доказана быть? И во-вторых: вся система наук, т. е. *нужных наук*, должна ясно раскрыться в порядке естественного вытекания их из основных, т. е. нужных для смысла; наука Толстого определяется «*смыслом*»; и «смыслы» наук — в органике расположений; все науки Толстого определяются «*смыслом*»; а он — в сочетании, или — в «*культуре*»; проблема культуры считается основной; и наука наук есть умение располагать органически знания; с какой вещью ясностью *логик* Толстой во второй половине истекшего века уже намечает проблему научной культуры XX века, вынашиваемой представителями той *научной культуры*: —

— «Говорят: ...наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, *а надо знать*, с какой стороны... нужнее и с которой... менее нужно»* —

— Это *надо знать* — познавательный императив, о котором не знали во время Толстого еще ничего «*философские варвары*»; а

† Idem: стр. 344, 345, 346, 347.⁷⁷

‡ Idem: 351.

§ Idem: 351.⁷⁸

* Idem: 351.⁷⁹

к последним должны мы причислить профессоров, создававших химеру о якобы философской беспомощности этого... великана от логики (по сравнению с ними); не с профессором Стороженко, Иванюковым, иль «умником» Усовым⁸⁰ стоило разговаривать о «философских материях» этому великану, а с Риккертом, Кантом, Спинозою; и, вероятно, «титаны от мысли» сказали б «да» многим из мыслей Толстого, противореча компании русских ученых (*хороших ученых подчас*), которые по философским проблемам Толстого беспомощно ползали *брызнями, философутиками и амебами*, выпуская какие-то жалкие позитивистские псевдоподии вместо мыслей.

Для Толстого наука определяется не законом, а смыслом закона; а смысл — в расположенье его в конфигурации отбора наук; от фигуры отбора наук, от порядка их следования изменяется освещение закона; «закон» — в освещении; вне освещения — тьма; перелагая ход мыслей Толстого в его сочиненье «О жизни» в гносеологические концепции более поздней эпохи, должны мы сказать: в духе фрейбургской школы Толстой называет наукою собственно гуманитарную обработку сырых материалов наук методических, разрезающих *все, что угодно*, со всех точек зрения и не могущих из крошева бесконечных узваний, иль «брызни», сложить слово: «Жизнь».

Всей конструкцией мысли и мощью конструкции этой Толстой перед нами стоит, как Сократ; и весь метод его рассуждений — отчетливо сократический метод. Что есть сократический метод? Он есть постепенное динамическое раскрывание истины не путем доказательства, а культурой выращивания организма из мысли об истине в том, кто ее не имеет; ошибочно видеть в одной диалектике приведение к истине; самая диалектика у Сократа лишь внешнее средство, *содействие*, а не действие одного над другим; никогда перед нами не встанет Сократ, как философ, нашедший искомое разрешение вопроса; стоит *соискателем* с тем, кто действительно ищет; он — лишь орошает в нас почву сознания, ждет, что на ней, орошенной, взрастет: взрастет то, что посеяно; и диалектика у Сократа не есть диалектика в точном рассудочном смысле, в какой облетет Аристотель ее; превращенье Сократова метода в *логику* есть разложенье случайных мелодий, всегда гениальных, но скученных вместе, на стройный ряд гамм, убивающий песенность; песнью без слов мыслил древний Сократ; облеченье словами поэтому у Сократа — игра, афоризм; диалектика, как владение умозаключениями, развивается после: аристотеликами, риторической школой, схоластикой, метафизикой — вплоть до Вольфа и Канта, когда начинается аналитика, как владение миром суждений, понятий: в гносеологии — вплоть до нашего времени; этот огромный период окончен; обратный период — сложение элементов (понятий в сужденье, суждений в их цепи, и цепи в спирали вращающейся динамической мысли): сложение элементов мыслительной жизни в жизнь мысли мы видим теперь; как не видим мы спиц колеса при вращении колеса (видим круг с натяжением пленки материи между точками круга), так в пределе сложения элементов распавшейся мысли не видим уже элементов, а *образы мысли* (то — смыслы их); восстановление картин мира для объясненья мельчайших частиц его в физике — факт; до сих пор образ мира дробили мы: на шары материальных планет, на породы веществ, из которых планеты слагаются, на элементы породы: кристаллы, молекулы, атомы; при раздроблении атома для моделирования эманаций его взяли мы... *образ мира*, с которого начали первоначально дробление мы; так: пределом дробимости оказалось представленье об атоме, как... *о Солнечной нашей вселенной*; ее-то столетиями раздробляли мы ступкой в ретортах; и после дробили крупницы «*дробимого тела*» уже на бумаге при помощи... десятичных дробей, создававших абстрактные представленья молекул и атомов; но абстрактней-

шим представленьем (картина вселенной атомной) нам стала вселенная... *Солнечной нашей системы*: и за порогом дробления оказался опять *тот же мир*, т. е. мир, уже раздробленный; и стало быть: весь процесс раздробленья в каком-то значении — фикция; эту *фикцию, нужную нам для побочных*, от собственно жизни весьма отвлеченных заданий, мы назвали *методом*; и рас-судочной диалектикой, т. е. нужною для побочных, от собственно жизни ве-сьма отвлеченных заданий, подобною ж *фикцией* доказали *фиктивно* (что значит «*вполне методически*»), что «*метод*» есть «*фикция*»; *фикцию* уни-чтоживши фикцией — минусом минус — пришли наконец-таки к *плюсу*; и этот достигнутый плюс, облекаемый в термины логики, выражен в мнениях достопочтенных глашатаев «*наукомыслия*» так: «Нет, неправильно думали кантианцы, что *первое* в логике только понятия; положение понятия знания полагает, как *первое*, не понятие, а суждение положения; а суждение пола-гает процесс положенья положенного; и — так далее; диалектическая дина-мика переплетов суждений перее суждения; так: первой становленье суж-дений не рассуждающей, а созидающей мысли, которая есть интуиция: де-монический голос, иль совесть, вменяющая нам в обязанность мыслить о мысли то именно, что ведет к прямой цели, иль к смыслу; смысл — образен, жестикуляционен; он есть организм, представимый моделями соединения мысленной цепи в систему, в фигуру; и после уже, как модели модели явля-ются фикции понимания смысла системою механически сложных мыс-лей: *со-мыслием, со-узнаьем, со-знаьем*; и *модели моделей моделей* — суж-денья; понятия суть *модели моделей моделей моделей*; то тени теней; и по этим теням изучаем мы то, что стоит перед нами бестенно; для этого стоит лишь повернуться спиною к теням и увидеть *предметы теней*; жизнь созна-ния порождает прямую уверенность: жизнь есть то, что живет в осознании, что — непосредственно переживается мной, как *мои узнаванья сознания*; фикции биологических определений, химических и других, — только част-ности, точки зрения, тени и — „*брызны*”».

Вот ответ современной теории знания на вопрос о познании; акт позна-ния — целостность восстающего образа мысли так точно, как целостно вход-ит в открытую дверь предо мною мой друг: не глазами, ушами, ногами, ру-ками и пальцами порознь он входит в круг зренья, а — сразу; лишь абстракт-но слагаю я в мыслях моих его чувственный образ из пальцев, рук, ног, ушей, носа и глаз; антрополог измерит *все это* в отдельности взятое; антро-пология, как наука об измерении пальцев, ушей, черепов папуасов, бушме-нов и кафров — безжизненная наука: знакомя нас с «*брызнью*» статистики пальцев, она не раскроет нам *логию антропоса*; это знаем мы точно; об этом написаны томы; и оттого-то мы знаем закон прихождения к *макрокосму* внутри *микрососма*; мы знаем, что если пойдём по земле всё вперед, то вер-немся к исходной мы точке; и так же мы знаем, что линия фикций развития диалектической мысли (с внутри их лежащими рассуждающей и понятий-ной мыслью) есть *круг*; этот круг бы(л) давно еще высказан *Изумрудной Скрижалю* Гермеса;⁸¹ но мы, не вникая в *смысл* мысли, рассмысливали, разлагали веками *рассудочных раз-мышлений*, чтобы сказать: «Гермес — прав!» Может быть, чрез сто лет деловитой «*брызнь*» мы докажем научно при помощи физики, химии, астрономии и статистики положение Конфу-ция: «*Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем*».⁸² Вся теория знания Штейнера есть развитие положения этого. Но до Штейнера и других гносеологов вы-двинул этот лозунг Толстой с титанической силою; был обрызган он слюн-ною «*брызнью*» пигмеев всех стран, хохотавших за это над ним; и теперь по-вторяются эти самые тезисы многими «*приват-доцентскими*» ртами, когда

пошла мода на них; вся научная, *псевдо-научная*, «брызнь» удивительно напоминает нам дамские моды: надуется юбка огромнейшим клошем; и после обтянутся ею до неприличия бедра; надуется глупый турнюр, лопнет флюсом; а юбка сползет и потащится пыль поднимающим трэнором; вдруг — вздернется выше и выше — скандал! То же самое происходит с учеными; многие — только модники; рядятся только не в юбки, а в «толстые томы» новейших воззрений они: то «система наук» — социология Конта,⁸³ а то — «чистый опыт» с системою «С»;⁸⁴ то она — энергетика, то — математика, то — биология, то — психо-физика; все то — «брызнь», не наука. До сих пор создалось убеждение, что Толстой враг науки; он враг не науки, а фарисейства, «научных» кухмистерских, «брызни» брошюр, засоряющих мозг. О науке же он говорит⁸⁵: —

— «Наука настоящая, знающая свое место и потому свой предмет, скромная и потому могущественная, никогда не говорит этого» (т. е. «брызни»⁸⁴)... «Наука физики говорит... об отношении сил, не задаваясь вопросом..., что есть сила... Наука химии говорит об отношении вещества, не задаваясь вопросом о том, что есть вещество. Наука биологии говорит о формах жизни, не задаваясь вопросом о том, что есть жизнь...» —

— Тридцать три года назад не одна лишь научная «брызнь», но ученые в собственном смысле хохотали над скромными словами Толстого; теперь же они говорят: «Сила — линия график, не более; а материи — нет».

— Ныне мы — в новой эре; диаметр окружности «сократической» сущности исчерпался до дна; мы стоим на той точке диаметра, где проходит окружность; мы вышли уже из диаметра; и огибаем окружность отшедшей эпохи; пред тем, как осмелиться выйти из круга культуры рассудка в жизнь Разума, о котором мы знали лишь то, что докладывал нам наш рассудок (а он — доносил: клеветал), — мы естественно в огибании сферы рассудочной жизни стремимся назад: от понятия, к суждению, к диалектике, к вскрытию «сократической» сущности; и натываемся в центре ее, нам открывшемся ныне, на... *демонический Голос*, который в Сократе... был отзвуком Манаса, ставшего явным в... Толстом, занимающим то же место в конце сократической эры, какое Сократ занимал в миг начала ее: в точке соединенья с диаметром; во всей линии двадцатипятивекового развития только две таких точки: Сократ и Толстой; и на них опирается полуокружность Гигантского Храма Культуры, иль купол ее; эти точки суть выходы из рассудка в жизнь Манаса; но на мысли Сократа лишь отблески «манасической» жизни отдельных гигантов культуры, подобных Менесу и Ману; внутри жизни мысли Толстого не отблеском Солнца извне, а чуть-чуть прорастающим семенем развивается Манас, разбив оболочку сухую плода — *сократической эры для всех*; но в Сократа спускается Манас, как Голос, ему лишь понятный, как тайные дрожжи всей линии будущей философии; в Льве Толстом Голос Манаса раздается — открытою дверью для всех; индивидуальную тайну истоков Сократовой Мудрости с дерзостью распечатал Толстой: сделал явной для всех; вот что он говорит о себе и о Голосе: —

— «У меня были времена, когда чувствовал, что становился проводником воли Божьей... Истина проходила через меня... Дай Бог, чтобы прохождение их (истин) через меня не осквернило этих истин».⁸⁶ —

⁸³ Idem: 365.⁸⁵

⁸⁴ Моя вставка (А. Б.).

⁸⁵ «Дневник». Том I. Стр. 256.⁸⁶

— Он есть дверь в царство Манаса; он свободно гуляет вне линии современности по окружности эры; и видит — вперед: то, куда мы идем; огибая окружность, он видит *Разумников* прошлого, помогая и нам прочитать письма их.

Кришну учит: «Я — Манас; из всех существ я — сознание». Вытекает отсюда: сознание-собственно в нас это — Манас. Толстой утверждает, что жизни — сознания, что сознание наше есть жизнь; он отчетливо устанавливает положение это рассудочным способом; и углубляет его изречениями мудрецов; в них вскрывается истина: наше сознание — космично, небесно; и тело его не есть тело мое, но бывших человеческих коллективов; и оттого-то, когда я в сознании, не ограниченном предрассудком рассудка и чувства, Я — вне личного тела; но — в теле огромного Коллектива, где: «*Я это мы, а не Я*». Приведа мысли Будды, браминов, Конфуция, Иисуса Христа, мудрых стойков, ведающих евреев, Лаотзе,⁸⁷ он так говорит: —

— «Таковы определения жизни, которые за тысячи лет до нас... разрешают противоречие человеческой жизни... Нельзя не видеть..., что определения эти, будучи теоретически верны, подтверждаются и опытом жизни... И всегда были... еще такие люди, которые... учили и учат других... жизни, которую они не понимают... То, что незначительные учения... Бэкона⁸⁸ и Конта... по своей ложности не могли влиять на массы и потому не подверглись суеверным искажениям... этот признак незначительности признается доказательством их истинности. Учения же браминов, Будды, Зороастра,⁸⁹ Лаотзе, Конфуция, Исаяи,⁹⁰ Христа считаются суевериями и заблуждениями». ^щ —

— От Сократа до нашего времени русло мысли есть акт разложения до-рассудочной мысли в рассудочную для... вот для чего? Для сложения из элементов разложенной до-рассудочной мысли уже над-рассудочной, или — разумной; рассудок — лишь средство, прием; но прием этот — цель для недавней эпохи; происходит смешение перспективы; о ней говорит Лев Толстой: —

— «Если бы человек не умел определять расстояние предметов..., а признавал бы большую простоту... большей степенью видимости, то самым простым и видимым для... человека представилось бы бесконечное небо, потом уже менее видимыми предметами представились бы... очертания горизонта, потом еще менее видимыми представлялись бы ему еще более сложные по цветам и очертаниям дома, деревья, потом... движущаяся перед глазами рука, и самым невидимым представлялся бы ему свет». ^ъ —

— Физика утверждает последнее: видимый свет нам не... видим! —

— «Только человеку с ложным представлением о жизни кажется, что он знает предметы тем лучше, чем точнее они определяются пространством и временем; в действительности же мы знаем... только то, что не определяется ни пространством, ни временем, — благо и разум закона». —

— Это — видимый свет аналогии Льва Толстого... —

— «Внешние же предметы мы знаем тем менее, чем менее в познании участвует наше сознание. Истинное знание... кончается познанием своей личности, своего животного». ^ы —

^щ Сочинения. Том XV (издание 12-е). Стр. 360, 361, 362, 363.⁹¹

^ъ Idem: 391.

^ы Idem: (391—)392.⁹²

— Это — «рука» аналогии. —

— «Рассматривая себя... в пространстве и во времени... человек соединяет свое... внутреннее знание... с внешним...; по... условному знанию себя... получает о других людях некоторое представление... За людьми, еще дальше от себя... видит... животных... Далее... он видит растения..., и еще невозможнее для него знание их». ⁵ —

— «Деревья» —

анalogии! —

— «Еще далее от себя... человек видит неживые тела». —

— Горизонт

анalogии!

Небо же аналогии есть — ничто, пустота, мировое пространство, в котором впоследствии закрутятся эфирные вихри Лапласа и Канта,⁹⁴ иль фикции фикций, слагающих наше «научное» объяснение происхождения мира, увь, не единственное (теория Аррениуса⁹⁵ и другие теории).

Толстой перевертывает по-новому линию вычленения из процессов сознанья понятий; опять возвращает механику мысли рассудка к органике Разума; эта органика в до-сократово время мифический, уплотняемый *верою* образ; изделия чувственной части мифических образов есть Олимп, а изделия мысленной части — история философии от... Сократа до... нашего времени; но в Толстом, как и в Гёте, мы видим стремление в организм жизни мысли вложить организмы телесные, т. е. рассматривать чувственный мир как грубую форму сверхчувственности; так проблема сознания, но сознания, не адекватного данному нам в эмпирическом бытии, выдвигается с новой силой во многих течениях философии, психологии и теософии нового времени; в сочиненьи Толстого «*О жизни*» мы видим огромное дело: переворота всей линии генетического развития философии; в ней генезисы исторической мысли — отображенье этапов сходящего в человека Сознания Манаса, только в обратном порядке; и потому в нем скрещается линия всей критической мысли с окружностью Мудрости, образно данной великими мудрецами истории; эсотеризм этой Мудрости вводится в обыденную жизнь, чтоб стать ясной для каждого: Ману, Конфуций, Лаодзы — становятся спутниками наших дней в «*Круге чтения*» — замечательной неопцененной огромной работе Толстого; здесь линия исторической мудрости превращается в *замкнутый круг*, в *календарь*, чтоб в годах нашей жизни вращались колеса тысячелетнего прошлого, расширяя сознанье до... образа тысячерукого Кришну, который откроется для того, кто реально волеет свои мысли в «*Круг чтения*»; «*Круг*» — медитация года, иль праксис, ведущий сознание к йоге; теория знания Канта становится практикой в йоге; соединенье теории с практикой в праксис сознания небывалого вида, — вот веянье будущей эры; и эра живет уж: Толстой — ее первая, на весь мир прошумевшая весть. Да, великая мудрость Учителей, Посвященных, стоит за спиною Сократа, в нем действует Голосом; и великая Мудрость стоит пред Толстым, ставшим *дверью... для всех*; посвященные, *Манасы*, до Толстого незримо растили историю мысли, подготавливая катастрофу, испытание мыслью; в Толстом они явлены нам; видим лики их: Ману, Конфуций, Манес, Заратустра, Менес, Моисей, это — мы в нашем «*Я*», в «*Я*» втором, созревающем ныне; великая брань, революции мира и революции духа, еще назревающие, это — акты мучительного отделенья «*ребенка*» от «*матери*», «*семени*» от сухих оболочек плода; «*семья*» — высшее «*Я*», в плод излитое силами; плод — наша личность, раздвоенная на «*субъект*» и «*объект*», на «*пред-*

⁵ Idem: 393.⁹³

мет» и «понятие», на «рассудок» и «чувственность», на организм мира психики и механизм социальной среды; это — створки сухие; вот — треснули распадением личности, распадением народов и распадением классов; тысячерукий, пугающий образ Сознания, Манаса, Кришну — иллюзия; это — темные пятна в глазах при слепительной вспышке грядущего Света.

В Толстом прочитались по-новому и Силен, и Сократ, и титан, и аскет, и святой, и преступник, объединенные Манасом; пусть Сократ на заре философии открывает ей дверь и утаивает посвящение в Манас, который *инкогнито* действует в исторической драме развития чистой мысли; Толстой на закате захлопывает перед рассудком дверь в будущее; и — открывает *инкогнито* главного героя трагических пережитий Культуры; и в судьбах войны, революций, в конфликтах культуры мелькают забытые персонажи истории (Мани, Лаодзы, Конфуций), образуя Коллегию умственной власти всечеловеческой восстающей духовной Коммуны: «Мы — вот кто. Мы — вот что».

Между Толстым и Сократом пять явных периодов вызревания минующей ныне эпохи: 1) с Сократа до первого века: расцвет философии Греции; 2) с Филона⁹⁶ до... Августина: рождение самосознающего центра культуры сознательной мысли; 3) от Августина до Эригены:⁹⁷ самосознание — младенец, еще не умеющий говорить; 4) от Эригены до Ренессанса (включительно): самосознание водится нянькою за руку (нянька — схоластика); самосознание-отрок усиленно учится в школе (четырнадцатый и пятнадцатый век): школа — Греция; 5) от шестнадцатого до двадцатого века: самосознание — юноша (грехи юности, пьянство, разгул; одновременно — усиленное занятие в университете).

Толстой говорит всей фигурой своей, что у порога шестого периода мы: в нем должны мы стать мужами, *Mann'*ами, *Mensch'*ами, *Манасами*; и — приложить наши опыты отвлеченного знания к жизни; что *государственные экзамены — начались*: противоречия мира сознания обострились в нас кризисом; противоречия мира жизни обострены (мировая война, революция); первый экзамен — события перелома духовной культуры в конце XIX столетия; и *второй* — события 914—17 годов. 3) *Ныне — третий экзамен* (события 918—920 годов); впереди — ряд экзаменов. Сколькие провалились, отброшены жизнью, погибли; и сколькие — валяются; сколькие — провалятся до... 30-ых годов (к ним *молитвенно подготовим пути!*).

Когда Лев Толстой говорил, мы смеялись: не знали мы, что блеснула ему уже *молния Кризиса* (в мире сознания: совершилась война, революция жизни и духа); период меж молнией и грянувшим громом — тридцатилетие (приблизительно: 1894—1914 годы) проспали Толстого; и многих, подобных ему, живо видевших молнию (Ибсена, Соловьева, погибшего в молнии Ницше и поколение символистов, кричавших о молнии десять томительных лет, и строительство Штейнера, оглашавшего *молнию*... в Лондоне, в Христиании, в Берне, в Берлине, в Париже, в Стокгольме, в Милане, в Ганновере, в Бергене, в Вене и в Гаге, в десятках других городов⁹⁸ — десять лет!); год ужасной войны — перекаты упавшего грома; упавшего в чувственный мир только... *эхом сознания*, где и гром, и блеск молнии — совершились мгновенно, а промежуток меж ними, иллюзия расстояния подлинной современности мира Сознания от «злободневных форм жизни» (иль «брызги»), в который все жили, которое — прошлое; в 84-м году переживался, быть может, лишь год 54-ый, в нем — 24-ый, а в 914-ом пережить войну были внешним уже механическим следствием войн сознавания отдельных: в Толстом, в Достоевском и в Фридрихе Ницше под грохоты ибсеновских лавин трепетали ярчайшие молнии *нашей грозы*, заставлявшие Мышкина падать в эпилепти-